

Аверьянов К.А.
ЗАГАДКИ ПОГРЕБЕНИЯ В КНЯГИНИНОМ МОНАСТЫРЕ

Ключевые слова: Владимирский Княгинин монастырь, Всеволод Большое Гнездо, Мария Шварновна, Витебская ветвь Рюриковичей, захоронения, ДНК-экспертиза.

Одной из древнейших обителей российского города Владимира является женский Успенский Княгинин монастырь. Согласно летописи, он был основан на рубеже XII–XIII вв. великим князем владимирским Всеволодом Большое Гнездо по настоянию его первой супруги Марии Шварновны [6, т. 1, стб. 415], матери всех его детей – восьми сыновей и четырех дочерей [4, с. 205–206]. Именно благодаря ей Всеволод стал впоследствии известен под прозвищем «Большое Гнездо».

В советское время обитель была закрыта. В 1993 г. Успенский собор монастыря был передан Владимирской епархии. Началась реставрация, а в октябре 2015 г. она дошла до Благовещенского придела собора, где в аркосолии правой стены – так называется ниша в стене храма в виде арки или апсиды, в которой обычно помещалась гробница – была захоронена основательница обители. 12 октября 2015 г. могила Марии была вскрыта. Каково же было удивление присутствующих, когда из нее извлекли останки не одного, а нескольких человек. Кем были эти люди? Никто не мог ответить на этот вопрос, и поэтому Евлогий, тогдашний митрополит Владимирский и Суздальский, решил обратиться к московским специалистам.

Была создана комиссия во главе с С.А. Никитиным, известным судебным экспертом. Была произведена раскладка останков, после чего их условно пронумеровали. Выяснилось, что они принадлежат: № 1 – женщине в возрасте около 45–50 лет, № 2 – женщине в возрасте около 25–30 лет, № 3 – девочке в возрасте около 9 лет.

В ходе остеологической экспертизы останков был выделен скелет женщины 45–50 лет, который сразу же стал рассматриваться как принадлежащий Марии – жене Всеволода Юрьевича. На это указывали пол и возраст, а также наличие у индивида № 1 множественных артрозов и коксартрозов тазобедренных и коленных суставов, ставших последствием многочисленных родов и существенно ограничивающих подвижность. Это подтверждается известием летописца, что последние 7 лет жизни Мария «лежа в немощи» [6, т. I, стб. 424–425]. Были обнаружены и другие признаки, характерные для многорожавшей женщины – выраженные гипопластические изменения эмали коронок всех зубов.

Согласно Лаврентьевской летописи, Мария умерла 19 марта 1206 г. [6, т. I, стб. 424–425]. Та же летопись под 1201 г. сохранила известие о смерти жены князя Ярослава Владимировича и одновременно сестры Марии и «свести» (свояченицы) Всеволода Большое Гнездо и ее захоронении в Княгинином монастыре [6, т. I, стб. 416–417]. Там же была захоронена в 1205 г. и дочь Марии – Елена [6, т. I, стб. 421]. Поэтому было сделано предположение, что индивиды № 2 и № 3 являются сестрой и дочерью Марии.

Следующим этапом стало привлечение методов краниотригонометрии (угловой морфометрии черепа), поскольку родичи, как правило, имеют схожие внешние черты. При экспертизе останков был сделан вывод о близком родстве индивидов № 1 и № 3, у которых наблюдается наибольшее сходство в форме лицевого скелета: были выявлены совпадения в форме корневой части носовых костей и в наличии метопического шва в области носовой части лобной кости. У ин-

дивидов № 2 и № 3 обнаружилось совпадение в форме носовых костей во фронтальной позиции, в общей форме носового отверстия и в наличии у нижнего его края полулунных ямок, имелось совпадение в форме профильного контура носовых костей. Все это позволило говорить, что индивиды № 1, № 2 и № 3 представляют собой группу кровных родственников.

Но имеет ли она отношение к Марии? Выяснить это удалось благодаря тому, что в Успенском соборе Владимира покоятся мощи сына Марии – великого князя Юрия Всеволодовича. Экспертиза черепов № 1, № 2, № 3 и черепа Юрия выявила ряд совпадающих признаков. В частности, у Юрия и индивида № 3 имелись совпадения в форме и заостренности верхних краёв глазниц и в наличии у нижнего края носового отверстия полулунных ямок. Все это позволило утверждать, что в октябре 2015 г. были обнаружены останки самой Марии, ее сестры и дочери, которые, согласно Лаврентьевской летописи, были захоронены в Княгинине монастыре.

Но результаты следующей ДНК-экспертизы полностью перечеркнули выводы предыдущей. Образцы останков были направлены в США, поскольку подобные исследования сопряжены с огромными трудностями, ибо необходимо отделить древнюю ДНК от многовековых органических наслоений, с которыми она контактировала. При этом более 90% времени нужно тратить на поддержание стерильности помещения. Экспертиза, проведенная Одиль Лореил (Odile Loreille), заняла более трех месяцев и показала, что митохондриальная (mtDNA) последовательность, полученная при исследовании останков № 3 идентична последовательности, полученной при исследовании останков № 1, и принадлежит гаплогруппе U4b1a4. Это позволило констатировать, что останки № 1 и № 3 состоят в родстве по материнской линии. Что касается останков № 2, в них была обнаружена совершенно отличная от останков № 1 mtDNA последовательность (гаплогруппа M10a1a1b1), и следовательно, нельзя говорить о родстве № 2 по отношению к № 1 и № 3 [1, с. 181–215]. Тем самым результаты ДНК-исследования вошли в противоречие с результатами остеологической и краниотригонометрической экспертиз.

Был даже задан вопрос – те ли останки нашли в 2015 г.? Поистине катастрофичным для Княгинина монастыря стало нападение на Владимир ордынского царевича Талыча в 1410 г., когда свод Успенского собора обрушился [6, т. XXV, с. 240]. Княгинин монастырь возрождается вновь лишь в начале XVI в.: по грамоте 1512 г. великого князя Василия III он считался «новым». Вместо полуразрушенного храма начала XIII в. в обители был возведен каменный Успенский собор, сохранившийся до наших дней. И хотя монастырский храм был построен на месте прежнего, велика ли вероятность, что могилы могли уцелеть? [3, с. 195]

Сомнения еще более усилились, когда выяснилось, что, согласно летописцу, Мария была похоронена в каменном гробе [6, т. XV, с. 302; т. XLI, с. 127, л. 537 об.]. Между тем, в 2015 г. фрагментов каменных погребальных сооружений – саркофагов обнаружено не было.

Все это заставило начать расследование заново. Изучение архитектурной истории обители показало, что ныне существующий храм был возведен на прежнем фундаменте с сохранением части древних стен (местами до трех метров высотой), которые ныне скрыты под кирпичной кладкой XVI в., благодаря чему захоронения XIII в. смогли уцелеть. При этом следует учитывать то, что в силу технологий домонгольского времени размеры храма XIII в. были небольшими. Поэтому княжеские погребения той эпохи были устроены не внутри собора, а во внешних стенах (как с северной, так и с южной стороны), точнее – в нишах с полукруглыми сводами с внешней стороны храма. По мнению Н.Н. Воронина, про-

водившего разведочно-археологические работы в обители, в первые годы после постройки храма его окружала неширокие (чуть более 3 м) крытые галереи, выложенные дорогой по тем временам майоликовой плиткой, остатки которой были обнаружены [2, т. 1, с. 441–445]. Очевидно, эти галереи предназначались для подхода к захоронениям.

При восстановлении собора его расширили за счет устройства северного и южного приделов на месте бывших наружных галерей, и таким образом захоронения, включая гробницу Марии, оказались уже внутри храма – в северном Благовещенском приделе.

Дальнейшее исследование пришлось проводить по описаниям XVI–XVII вв. древних гробниц [9, с. 399–414]. Поскольку во владимирских храмах (Успенском соборе и Княгинине монастыре) были захоронены многочисленные предки московских великих князей и царей, последние достаточно регулярно интересовались состоянием их могил, результатом чего стало составление соответствующих описей.

Самую раннюю из них встречаем в Степенной книге, созданной в начале 60-х годов XVI в. В ее 10-й главе VI грани находим подробный рассказ о всех захоронениях некрополя Успенского собора Княгинина монастыря. Из этого источника выясняется, что в северном Благовещенском приделе нашли упокоение первая (Мария) и вторая (Анна) супруги Всеволода Большое Гнездо. В южном Христорождественском приделе Успенского собора были похоронены: первая (Александра) и вторая (Васса–Василиса) жены Александра Невского, а также его дочь Евдокия [6, т. XXI. Ч. 1, с. 229; 9, с. 399–400].

Данное свидетельство позволяет говорить, что останки индивида № 2 принадлежат Анне, второй супруге Всеволода Большое Гнездо. Этому вполне соответствуют данные ДНК-экспертизы, не усматривающие признаков родства между индивидами № 1 и № 2.

Сведения об Анне отрывочны. Она была дочерью витебского князя Василька Брючиславича и упоминается В.Н. Татищевым всего два раза: в связи со своим замужеством в 1209 г., и через три года – по поводу смерти Всеволода Большое Гнездо, когда она постриглась в Княгинин монастыре. В.Н. Татищев именовал ее Любовью [11, с. 182, 187]. Возможно, это было ее княжеское имя, однако в историю она вошла с христианским именем Анна, зафиксированном Степенной книгой.

Идентифицировав останки индивидов № 1 и № 2, необходимо задать вопрос о принадлежности останков индивида № 3 (девочки в возрасте около 9 лет), поскольку Степенная книга говорит о захоронении в Благовещенском приделе только двух женщин. Каким же образом здесь оказались еще одни останки?

Для этого необходимо обратиться к более позднему описанию княжеских могил Княгинина монастыря, содержащемуся в Летописце владимирского Успенского собора. Согласно ему, «с великою княгинею Марьею Шварловною лежали в одном гробе другие мощи невелики, великой княгини Марии по плечи» [12, с. 63–65]. Обнаруженные в 2015 г. останки ребенка сохранились не полностью, и для определения приблизительного роста индивида № 3 была взята принадлежащая ему левая плечевая кость. Исходя из данных остеометрических таблиц, ее величина соответствует приблизительному росту – 135 см. Поскольку в ходе остеологического исследования прижизненный рост Марии был определен в 157,6 см, становится понятным, что под определением «другие мощи невелики, великой княгини Марии по плечи» следует понимать останки индивида № 3.

Что касается утраты каменного гроба, в котором была похоронена Мария, его судьбу раскрывают более поздние описания гробниц Княгинина монастыря: в

середине XVII в. (вероятно, в 1665 г.) во время строительных работ мощи Марии были переложены из ветхого каменного гроба, сделанного из непрочного известняка, в новый деревянный: «А вынесли ея трии старицы из каменного гроба и положили ея в новом гробе деревянном во всем целу; и лежит во схиме. А старой гроб разсыпался» [9, с. 404; 12, с. 64].

Судя по всему, во время этих строительных работ вместе с мощами Марии Шварновны оказались и мощи ее правнучки Евдокии. Монахини последней четверти XVII в. отождествили их с останками Анны, второй жены Всеволода Большое Гнездо. Однако этому противоречит установленный в ходе экспертизы прижизненный возраст индивида № 3 – около 9 лет, что делает невозможной идентификацию его как второй жены Всеволода Большое Гнездо.

Наши сведения о Евдокии чрезвычайно скудны. По мнению известного знатока княжеских родословий А.В. Экземплярского, она была в замужестве за князем Константином Ростиславичем Смоленским [13, с. 32, 337]. Это предположение он сделал на основе двух свидетельств. Софийская первая летопись при описании событий 1262 г. сообщает об участии в них «Константина, зятя Александрова» [6, т. VI. Вып. 1. стб. 337], а Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» писал, что в Княгинином монастыре «погребена и дочь его (Александра. – Авт.) Евдокия» [5, т. IV, с. 55, 215 (прим. 110)]. А.В. Экземплярский, сопоставляя между собой эти два известия, предположил, что именно Евдокия являлась женой Константина Ростиславича, не допуская возможности, что у Александра Невского были и другие дочери. Это домысливание прямо противоречит показаниям источников, упоминающих Евдокию как княжну, т.е. незамужнюю дочь князя.

А.В. Маштафаров, автор соответствующей статьи в «Православной энциклопедии», определил приблизительные годы ее жизни: после 1239 – после 1252. Указание на год рождения Евдокии обусловлено тем, что именно в 1239 г. Александр женился, а похоронена она могла быть во Владимире только после 1252 г., когда ее отец стал великим владимирским князем [8, т. XVII, с. 125–126.].

Судя по Степенной книге, Евдокия была погребена в Княгинином монастыре, но не в северном Благовещенском (вместе с Марией), а в другом – южном Христорождественском приделе. Каким же образом останки Евдокии оказались перенесенными в иной придел? Определенный ответ на этот вопрос дает описание гробниц в Княгинином монастыре, сделанное на рубеже XIX–XX вв. архимандритом Порфирием (Виноградовым).

Согласно его свидетельству, в это время захоронение Марии представляло собой гробницу, обложенную посеребренным металлом, «и только два креста вычеканенные вверху оклада, указывают на два гроба под ним». Поскольку Степенная книга ясно говорит, что рядом с Марией была похоронена вторая супруга Всеволода – великая княгиня Анна, архимандрит Порфирий решил, что эти два креста указывают, что здесь нашли покой две жены Всеволода Большое Гнездо. Но при этом он отмечал, что «в сборнике Троице-Сергиевой Лавры XVII века, при указании погребенных во Владимирском женском монастыре, почему-то не упоминается великая княгиня Анна. Здесь упоминается только о какой-то гробнице возле гробницы великой княгини Марии, именно в следующих словах: "да с нею же (великой княгиней Марией) лежат другие мощи невелики, княгини Марии по плечи". Неизвестно, указывают ли эти слова на вторую супругу Всеволода Георгиевича».

Определенное недоумение архимандрит Порфирий испытал при описании гробниц в южном Христорождественском приделе. Размещенная здесь гробница, в которой, судя по данным Степенной книги, должны были покоиться останки

великой княгини Александры и княжны Евдокии, также как и захоронение Марии была обложена медными посеребренными листами. Но при этом она не имела вида двойной гробницы. «Таким образом, – заключает архимандрит Порфирий, – остается место предположению, что здесь, в южном приделе, одна из гробниц уничтожена и останки великой княгини и княжны положены в одной общей гробнице. В сборнике Троице-Сергиевой Лавры XVII века говорится о гробнице княжны Евдокии, что эта гробница стояла на правой стороне южного придела "в стене", следовательно, она находилась в XVII веке под сводом ниши в южной стене храма. В этом сборнике, при исчислении погребенных во Владимирском женском монастыре, прямо не упоминается имени великой княгини Александры, но вслед за сообщением о гробнице Евдокии говорится: "в другом каменном гробе подле и лежат мощи неизвестно чьи"» [7, с. 116–117].

Позднее все останки, находившиеся в Благовещенском приделе, были помещены в одну нишу. Когда это произошло, сказать затруднительно. Во всяком случае, последнее по времени внедрение в погребение произошло в 1968 г., свидетельством чему являются сделанные тогда же несколько фотографий. По этим фотоматериалам видно, что уже тогда останки находились в потревоженном состоянии. И хотя после работ 1968 г. аркосой был приведен в порядок (это видно по кладкам из современного кирпича), останки оказались перемешаны. В таком положении их обнаружили в 2015 г.

В результате вышесказанного у нас появляется возможность подтвердить результаты ДНК-экспертизы: индивиды № 1 (Мария Шварновна) и № 3 (Евдокия) действительно являлись родственниками, поскольку последняя приходится правнучкой первой. По отношению к ним индивид № 2 (Анна, вторая жена Всеволода Большое Гнездо) не является их родственницей.

Но почему же краниотригонометрическая экспертиза показала удивительную схожесть внешних черт второй жены Всеволода Большое Гнездо и дочери Александра Невского? Это объясняется тем, что Александр Невский был женат на Александре, дочери Брючислава Васильковича, из витебско-полоцкой ветви Рюриковичей, а вторая жена Всеволода Большое Гнездо Анна была дочерью Василька Брючиславича из этой же ветви. При этом Евдокия приходилась Анне внучатой племянницей.

Что же касается захоронений начала XIII в., отмеченных Лаврентьевской летописью (сестры Марии и ее дочери Елены), то они, судя по всему, были сделаны вне храма и позднее были утеряны. Некоторый свет на это может пролить информация о том, что «еще в XIX веке севернее Благовещенского придела была обнаружена белокаменная гробница. Она осталась неисследованной. В восьмидесятые годы XX века, когда на территории монастыря велись работы, также были обнаружены белокаменные гробницы древних захоронений, но и они не были обследованы» [10].

1. Великая княгиня владимирская Мария Ясыня в русской истории / З.К. Кусаева (отв. ред.). – Владикавказ; М.: Сев.-Осетин. ин-т. гуманист. и социальн. исслед. им. В.И. Абаева; Ин-т. росс. истории РАН, 2019. – 365 с.
2. Воронин, Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: в 2 т. / Н.Н. Воронин. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – Т. I : XII столетие. – 584 с.
3. Долгов, В.В. Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива» / В.В. Долгов // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах / Санкт-Петербург. духовн.акад. – СПб., 2016. – Вып. 5. К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. – С. 190–212.
4. Долгоруков, П.В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: в 4 ч. / П.В. Долгоруков. – СПб.: тип. Вингебера, 1854. – Ч. 1 : Фамилии российско-княжеские. – 350 с.
5. Карамзин, Н.М. История государства Российского: в 12 т. / Н.М. Карамзин; [А.Н. Сахаров (отв. ред.)]. – М.: Наука, 1992. – Т. IV. – 477 с.

6. Полное собрание русских летописей. – [СПб.; М.], 1841–2018. – Т. 1–46: Т. I : Лаврентьевская летопись. – 4-е изд. – М.: Языки русск. культ., 1997. – 496 с.; Т. VI, Вып. 1 : Софийская первая летопись старшего извода / подг. текста С.Н. Кистерева и Л.А. Тимошиной, предисл. Б.М. Клосса. – М.: Языки русск. культ., 2000. – 320 с.; Т. XV : Рогожский летописец. Тверской сборник. – М.: Языки русск. культ., 2000. – 432 с.; Т. XXI, Ч. 1: Книга Степенная царского родословия / под ред. П.Г. Васенко. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 342 с.; Т. XXV : Московский летописный свод конца XV в. – М.: Языки слав. культ., 2004. – 488 с.; Т. XLI : Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей) / предисл. Б.М. Клосса. – М.: Археографический центр, 1995. – 184 с.
7. Порфирий [Виноградов], архимандрит. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Княгининском девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители: с изображением одной гробницы и с приложением статьи «Обновление Владимирского кафедрального собора» / [соч.] Архим. Порфирия. – 2-е доп. изд. – Владимир: тип. Губерн. правления, 1903. – 132 с.
8. Православная энциклопедия. – Т. XVII: Евангелическая церковь чешских братьев – Египет. – М.: Правосл. энцикл., 2008. – 751 с.
9. Сиренов, А.В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII в. / А.В. Сиренов // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки / гл. ред В.Н. Зайцев, ред.-сост. Г.П. Енин. – СПб.: Росс. нац. биб-ка, 2006. – С. 399–414.
10. Тайны гробницы Княгинина монастыря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vladimird.ru/history/tomb.htm>. – Дата доступа: 10.10.2023.
11. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: в 8 т. / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1995. – Т. II–III : История Российская. Часть вторая / [редкол.: С. Н. Валк, М. Н. Тихомиров; авт. вступ. ст. С. Н. Валк]. – 349, 333 с.
12. Шилов, А.А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты (Материалы для полного собрания русских летописей) / А.А. Шилов. – СПб.: тип. М.А. Александрова, 1910. – Вып. 1. – 24 с.
13. Экземплярский, А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям / А.В. Экземплярский. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998. – 480 с.

Алентьева Т.В.

ОПЫТ США ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: США, историко-культурное наследие, сохранение исторических объектов, законодательство, исторические национальные парки, служба национальных парков.

Сохранение историко-культурного наследия – важнейшая задача любой страны. В 2017 и 2020 гг. в США прокатилась волна по сносу памятников, главным образом относящихся к периоду Гражданской войны 1861–1865 гг. Главной мишенью стали памятники южанам-конфедератам, сражавшихся за независимость южных штатов от Союза и за сохранение рабства [3, с. 90–105; 6, с. 337–350]. Защитники монументов убеждали общественность в том, что эти памятники сооружены в честь людей, сражавшихся за свои убеждения, и не связаны с прославлением идеологии расизма и превосходства белой расы. Странники их уничтожения были убеждены в обратном, тем более что вторая волна сноса памятников была связана с движением «Черные жизни имеют значение». Было разрушено, снесено или демонтировано более 135 памятников южным конфедератам, еще больше было перенесено в другие места. Однако, протестующие не остановились на уничтожении только этой категории коммеморации. Вслед за южанами-конфедератами, той же участи подверглись памятники Колумбу, их было снесено 36, правда, осталось еще 149 в различных американских городах. За Колумбом последовали покушения на другие монументы и памятники, в том числе в столице – г. Вашингтоне [12]. Многие американские историки видят в этой борьбе с памятниками историческую закономерность, связанную с более сложной этнической и расовой стратификацией американского общества, ростом афроамериканского национализма и сдвигами в общественном сознании белых американцев. Однако в не меньшей степени, две волны сноса памятников были связаны с политикой демократов, с президентскими выборами 2016 и 2020 гг. Разумеется, снос любых